

предварительного мнения, или лучше, предубеждения, внушенного нам нашими западными соседями, обратимся прямо сами к произведениям слова и поверим на деле все то, что нам о них сказано и нами сначала принято на веру».²⁷ В научной области, где работал Шевырев, его вера в то, что «на ниве русского ума» взойдет новая наука, оправдалась богатством русских филологических школ, которые оставил в наследие России XIX век.

²⁷ Шевырев С. П. История поэзии. Чтения: [В 2 т.]. М., 1835. Т. 1. С. 10.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-122-144

© К. А. Кумпан

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — УЧЕНИК ТРЕТЬЕЙ ГИМНАЗИИ (ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА) ЧАСТЬ 1*

Тема «Мережковский-гимназист» до сих пор не привлекала специального внимания исследователей. Обращаясь к ранним годам жизни писателя, биографы¹ использовали сведения из одних и тех же автобиографических источников.² Это — мемуарная книга жены писателя, З. Н. Гиппиус, где рассказ о детстве Мережковского базируется на им же сообщенных кратких сведениях.³ «Автобиографическая заметка» (1913),⁴ со столь же краткими сведениями о детстве и юности, по сути дела являющаяся единственной автобиографией писателя.⁵ И наконец, автобиографическая

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00602.

¹ См.: Зобнин Ю. В. Дмитрий Мережковский. Жизнь и деяния. М., 2008. С. 10–43; Холиков А. Дмитрий Мережковский. Из жизни до эмиграции: 1865–1919. СПб., 2010. С. 8–16. В этих работах учитываются и некоторые архивные сведения из нашей статьи и примечаний в книге: Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., прим. и подг. текста К. А. Кумпан. СПб., 2000. Далее стихотворения цитируются по этому изданию, с указанием номера страницы.

² В книге В. Н. Быстрова «Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Петербургская биография» (СПб., 2009. С. 3–23) эти источники дополнены несколькими краткими цитатами (без ссылок, что диктуется популярным жанром книги): из прозаического наброска Мережковского-гимназиста «Детство» (РНБ. Ф. 150 (Арх. К. К. Владимиров). № 378) и из опубликованных, но не попавших в поле зрения исследователей воспоминаний бывших учеников третьей гимназии в издании: За сто лет (Петербургская б. третья гимназия): Воспоминания, статьи и материалы / Сост. Н. А. Соколов. Пг., 1923. К последнему источнику мы будем прибегать неоднократно.

³ Гиппиус З. Н. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. Эти мемуары в редакции секретаря Мережковского В. А. Злобина многократно переиздавались в России в 1990-х годах.

⁴ «Автобиографическая заметка» многократно перепечатывалась при жизни писателя в дореволюционных изданиях с незначительными стилистическими расхождениями, см.: Русское слово. 1913. 19 марта. № 65; Русская литература XX века: 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 288–294; Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 107–116, а также в эмигрантской прессе: Иллюстрированная Россия (Париж). 1935. № 50; Сегодня (Рига). 1935. 15 дек.; Новое русское слово (Нью-Йорк). 1941. 11 дек. № 10523.

⁵ Если не считать краткую раннюю автобиографическую справку в письме Ф. Ф. Фидлеру от 4 апреля 1888 года (РГАЛИ. Ф. 518. Оп. 1. № 156) и бессодержательную анкету от 13 апреля 1915 года, где на ряд вопросов содержится отсылка к той же «Автобиографической заметке» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 41). Несколько изъятых из печатного варианта сведений содержится в рукописном варианте «Автобиографической заметки» (ИРЛИ. № 24384); отчасти они учтены в статье: Холиков А. «Автобиографическая заметка» и стратегия самосотворения во втором прижизненном «Полном собрании сочинений» Д. С. Мережковского // Toronto Slavic quarterly.

поэма «Старинные октавы», целиком посвященная детству и юности. Она в основном и будет предметом комментирования, а именно та часть, где речь идет о гимназии.

Поэма «Старинные октавы» (середина — конец 1890-х) завершила серию поэм Мережковского «из современной жизни» с автобиографическим контекстом или отдельными автобиографическими мотивами. Образ гимназии исключительно в негативном ключе рисуется уже в первой из них, поэме «Вера»:

XXIV

В гимназии невыносимый гнет
Схоластики пришлось узнать Сереже...
Словарь да синтаксис; из года в год
Он восемь лет твердил одно и то же.
Как из него не вышел идиот,
Как бедный мозг такую пытку вынес,
Непостижимо. «Panis, piscis, crinis», —

XXV

Вот вся наука... Иногда весной
Он ласточкам завидовал. Не учат
Они Aogist первый и второй,
Грамматикой латинской их не мучат.
Пока бедняга с жгучею тоской
Смотрел, как в синем небе реют птицы,
Он получал нули да единицы.

XXVI

Когда зимой пленяло солнце взор
Сквозь дым багровый ласковым приветом,
И душный класс, и мрачный коридор
Был озарен янтарным полусветом, —
О, как Сережа рвался на простор,
И как хотел он, весь отдавшись бегу,
Лететь в саях по блестящему снегу!

(с. 275–276)

Противопоставление душевной гимназии миру природы легло в основу детского стихотворения «В школе» (март 1882), сохранившегося среди гимназических опусов поэта. Стихотворение выдержано в образно-стилистическом и просодическом ключе народнической поэзии, где гимназия предстает «душной и мрачной» «темницей» и ей противопоставлен мир свободы, солнца и моря:

Эти душевные, мрачные стены,
Этот бледный, болезненный свет,
Что мерцает сквозь тусклые окна.
Нет простора и воздуха нет.

Нездоровы печальные лица,
Утомленные гнетом тоски.
Неподвижно, безмолвно и чинно
Молодые сидят старики. <...>

Заунывный, безжизненный голос
Утомительно-вяло звучит;
Надоевшие, мертвые речи
Он твердит, беспрерывно твердит.

Вереницу чисел ненужных
И рядами нам чуждых имен,
Подавляющей грудю книжек
Бедных юношей мозг иссушен. <...>

И раздастся свободная песня:
Мы желаний и силы полны,
Не хотим этой душной темницы,
Дайте света, любви и весны.

Полетел бы я к вечному солнцу,
Чтоб с восторгом святым окунуть
В лучезарное море сиянья
Молодую усталую грудь.

Полетел бы я к синему морю,
Оглянул бы его кругозор,
Мою грусть шумный ветер умчал бы
И развеял в прибрежный простор.⁶

Это же противопоставление, но в ином стилистическом регистре неоднократно присутствует и в поэме «Старинные октавы» (см., например, строфы VIII—XI второй песни).

Поэма в целом построена на бинарных оппозициях, свойственных мышлению и творчеству Мережковского. Значительное место в ней занимает противопоставление летней и городской жизни.⁷ Острова, где поэт со своими братьями и сестрами проводил каждое лето и где (в одном из дворцовых флигелей на Елагинном острове) он родился, — в поэме становятся островами свободы («Люблю тебя, Елагин, старый друг», с. 547). К условным «островам свободы» относится и Крымский полуостров, описанный в финале поэмы: в Ливадию Мережковский попал первый раз после окончания четвертого класса гимназии. Этому миру противостоит «мрачный» дом Бауэра, в центре столицы, в огромной «скучной, казенной квартире» которого прошло детство поэта. К этому же миру принадлежит гимназия, которая в поэме является квинтэссенцией «мертвенной скуки» и «невыносимого гнета схоластики». Духовная темница превращается в реальную в одном из кульминационных эпизодов поэмы — в рассказе о «сыром, холодном carcere», куда «сторожа» за ничтожную провинность отвели гимназиста-Мережковского.

Поэтическое пространство поэмы организует романтическая оппозиция — внутреннего мира героя и внешнего бытия. Внутренняя жизнь — книжные фантазии, детские молитвы, «безотчетные грезы», мистические страхи («неугасимый жар мистического бреда», с. 560) и неизбывное одиночество, а позже, как выход из него — поэтическое творчество («от всех скорбей лекарство», с. 556). Внешний мир в поэме — мир «людства», к которому относится не только гимназия с ее «убийственной зубрежкой и выправкой», с ее учителями, вызывающими страх, скуку и даже омерзение, с чуждыми автору соучениками.⁸ К этому «внешнему миру» относились и все члены семьи (кроме матери): ду-

⁶ ИРЛИ. № 24267. Л. 23–24.

⁷ Заметим, что эта оппозиция также присутствовала уже в детском сочинении поэта «Деревенская жизнь сравнительно с городской» (РНБ. Ф. 150 (Арх. К. К. Владимиров). № 378).

⁸ См. в «Автобиографической заметке»: «С товарищами я мало сходился» (Русская литература XX века. С. 290). Отметим, что для многих соучеников Мережковского по третьей гимназии именно дружба осталась самым светлым гимназическим воспоминанием, см., например, воспо-

ховно далекие герою братья и сестры⁹ и деспотический отец, искоренявший «сердечную нежность» в семье,¹⁰ гости, семейные празднества. «Злость» у героя поэмы вызывает даже «толпа» детей, играющих в Летнем саду у памятника Крылову; играм он предпочитает прогулку по «пустынной аллее» сада («Стремясь туда, где нет людей, к свободе», с. 545). Центральное место в поэме занимает противопоставление образа матери и отца героя.

Следует иметь в виду, что идейный пласт поэмы «Старинные октавы» аккумулирует основные темы творчества Мережковского середины — конца 1890-х годов, в частности, двух первых романов трилогии «Христос и Антихрист». Это и уже упомянутая тема *одиночества* («Я не люблю родных моих, друзья / Мне чужды, брак — тяжелая обуза. / В томительной пустыне бытия / Гонимая отверженная Муза — / Единственная спутница моя», с. 579). Это и образ *скуки*, который в поэме, как в романе «Воскресшие боги», приобретает метафизический и онтологический оттенок (см. XV и XVI строфы второй песни поэмы). Из мотивов третьего стихотворного сборника («Новые стихотворения: 1891–1895», 1896) здесь проходит также тема брака, как «семейной пытки, битвы без конца, без отдыха, где нет врагу прощенья» (с. 565) и т. д.

Главная оппозиция, нашедшая отражение в поэме и писавшихся одновременно романом, — противопоставление «нирванических» («шопенгауэрских») и бунтарских («ницшеанских») начал в мире. Оба эти мотива в поэме звучат приглушенно, но вполне прочитываются. Так в начале поэмы (в седьмой строфе первой песни) поэт останавливается на двух типах творчества и отдает предпочтение не тревожному, бурному и страстному творческому началу, а «вечной святой тишине» (ср. глубокое мудрое спокойствие Леонардо и утверждение Юлиана, что Бог является «не в бурях, а в тишине»). Мотивы всепрощения и умиротворения пронизывают поэму.

В то же время лирическому герою поэмы присущи «ницшеанские черты». Например, ему свойственен антидемократизм: он признается, что ему на пасхальных гуляниях, куда его водила няня, «до тошноты» был «чужд и гадок» народ. Он наделен ярко выраженными индивидуалистическими чертами: в его характере подчеркивается гордость, веселье и отвага, презрение к филистерскому дачному миру и т. д. Все это выглядит в поэме вполне естественно, во всяком случае, без экзальтации, характерной для «ницшеанских» стихотворений третьего сборника, поскольку эти «героические» черты нарисованы через призму романтического воображения ребенка и пронизаны иронией.¹¹

Рельефнее и уже без иронии декадентские мотивы звучат во второй песне «Старинных октав», которая, судя по всему, писалась одновременно с романом «Воскресшие боги» или сразу после его завершения.

Просматриваются в поэме и значимые для Мережковского этого периода темы Христа и Антихриста, христианства и язычества и религиозных сомнений. Тема Антихриста в разных песнях поэмы звучит по-разному. В первой — повествуется, как *Он* часто по ночам являлся мальчику, запуганному страшными рассказами няни «о бесах» и борьбе с ними «угодников святых» (что опять-таки соотносится с темой

минания бывшего ее выпускника, известного педагога Л. Н. Модзалевского (Из педагогической автобиографии Л. Н. Модзалевского // За сто лет. С. 50); см. также роман выпускника этой гимназии А. Яроша «До университета: Из жизни средней школы» (СПб., 1905), где, по свидетельству бывших учеников, воссоздан дух третьей гимназии, как дух особого дружества, и довольно точно нарисованы портреты учителей и надзирателей (*Страхович В.* Листки из воспоминаний // За сто лет. С. 144).

⁹ Отсутствие связей между детьми акцентируется в XV и XVI октавах первой песни. В «Автобиографической заметке» Мережковский корректирует акцентировку отчужденности, указывая: «В детстве мы жили довольно дружно» (Русская литература XX века. С. 289).

¹⁰ В «Автобиографической заметке» Мережковский смягчает эту оценку отца: «Мне теперь кажется, что в нем было много хорошего» (Там же).

¹¹ Такие декадентские чувства, как «наслаждение волею преступной», герой испытал, взбираясь с братьями на крышу дома (строфа LXIX, с. 544), а размышление о любви к греху («С младенчества людей пленяет грех») предшествует рассказу о воровстве с дачных огородов незрелого крыжовника (строфа LXXX, с. 547).

аскетического христианства в первом романе): «Все кто-то длинный, длинный и туманный, / Чернее мрака в комнате стоял...» (с. 534). Это ночное видение можно было бы признать за детские фантазии, но далее вдруг резко меняется тон повествования, и видение превращается в реальность, а незванный пришлец, так же как Антихрист в романе «Смерть богов», получает божественное имя Неведомого («Он исчезал; но жду я новой встречи / С Неведомым и знаю, что опять / Его пред смертью должен увидеть», с. 534).

Бог и Демон, соединенные в первой песне поэмы в лице Неведомого, во второй предстают как разные начала, причем автор осознает себя навеки приверженцем Злого Духа, духа свободы и мщения, тогда как традиционный Бог становится Богом казни. Мы имеем в виду авторский «комментарий» к отмеченному выше эпизоду наказания героя, который за расстегнутую пуговицу на гимназическом «мундирчике» был посажен в карцер и там впервые «познал» «демона возмущенья», которого называет «темным» и «прекрасным» Богом и которому признается в верности:

LVII

Как жаждал сердцем правды я и мщенья!
 Не все ль равно за что восстать — за мир
 И все его обиды и мученья,
 Или за право расстегнуть мундир?
 Тебя познал я, демон возмущенья:
 Утратив сердца прежний детский мир,
 Я чувствовал, — хотя был бунт напрасен, —
 Что ты, Злой Дух, мой темный Бог — прекрасен!

LVIII

Тебе остался верен я с тех пор...

(с. 568)

К обсуждению роли демонического и божественного начал в человеческой душе Мережковский еще раз возвращается в конце поэмы, комментируя рассказ о своей детской влюбленности одновременно в барышню-«принцессу» («елагинскую фею») и прачку Лену. Противопоставление любви земной и любви небесной, «плоти» и «духа» предстает в поэме (строфы ХС–ХСIII) хоть и не без мягкого юмора, но более четко, чем в романах. Размышляя о двух безднах в душе человека, автор впервые фиксирует изначальную двойственность своей души и равную возможность для себя двух путей:

ХС

Зачем ты дал нам две души, Господь?
 Друг друга ненавидя и страдая,
 Напрасно в людях спорят дух и плоть,
 Любовь небесная, любовь земная:
 Одна другой не может побороть.
 С Владыкой Тьмы враждует Ангел рая <...>

ХСIII

<...> О, если бы решить я только мог,
 Кого душа моя сильнее любит,
 Кто сердцу ближе: Демон или Бог!
 Их двойственный соблазн меня погубит:
 Я все еще стою меж двух дорог,
 И с прачкой Леной борется богиня —
 С кощунством вечным — вечная святыня.

(с. 576)

Неоднократно в поэме Мережковский возвращается и к теме религиозных сомнений, рассказывая о муках неверия героя. И Бог в «Старинных октавах», как и в первом романе, предстает взорам ребенка суровым и непреклонным, подменяющим чаемое героем чудо — смертью («Ужель подарок Бога — только смерть?», с. 558). Имеется здесь и противопоставление «страшного лика Христова», который пугал мальчика в елагинской дворцовой церкви, — зелени садов за ее окнами, завершающееся признанием: «Любовью, чуждой Богу, мир любя, / Язычником я чувствовал себя» (с. 573). «Языческие призраки былого» (с. 577) вновь являются в самом конце поэмы при описании крымских пейзажей.

В какой мере этот идейный каркас деформирует отраженную в поэме реальную биографию Мережковского? Конечно, невозможно отрицать истинность воссозданной в поэме семейной атмосферы, как неправомерно считать «безотрадность» и одиночество детских лет лишь данью литературной традиции или элементом дуалистического концепта. Сам поэт во вступительных октавах подчеркивает исповедальный характер поэмы, определяя ее жанр как «бесхитростный дневник»: «Бесхитростный дневник пишу, не повесть. / Зову на суд я жизнь мою и совесть» (с. 529).

Напомним, что З. Н. Гиппиус считала «Старинные октавы» лучшей автобиографией поэта, подчеркивая, что в ней дано «очень правдивое изображение его детства, юности, семьи».¹² Отталкиваясь от свидетельства самого близкого человека, современные биографы повторяют оценки и пересказывают факты из поэмы в своих исследованиях. Однако в мемуарах, а тем более в поэтическом дневнике (*художественном* тексте) факты, требуют документальной проверки, а субъективные оценки — корректировки. Лирический герой не равен реальному автору.

Цель настоящей работы — ввести в научный оборот документы и сведения, уточняющие и дополняющие известные автобиографические факты, которые, в частности, следовало бы учесть в связи с подготовкой «Летописи жизни и творчества Д. С. Мережковского (1865–1941)»,¹³ а также для создания в перспективе полноценной научной биографии писателя.

Предварительные общие замечания

Третья петербургская мужская гимназия считалась «самой классической из классических».¹⁴ Она располагалась на углу Мещанской улицы и Демидова переуллка (совр. адрес: Казанская ул., д. 27; учебный корпус: Гагаринская ул., д. 23). Гимназия была преобразована в 1822 году по проекту С. С. Уварова из Учительского института¹⁵ и продолжала оставаться единственной в Петербурге гимназией с двумя древними языками вплоть до 1918 года, т. е. и после отмены «классического» образования в 1849 году, и после смягчения «толстовско-деляновской» классической системы в 1890-е годы, и после коренного пересмотра классического образования в 1901 году.

Гимназия имела репутацию одного из лучших учебных заведений Петербурга. Но именно ее классический статус, столь непопулярный в либеральных кругах интеллигенции, был определяющим при оценке методики обучения в ней, отразившейся и в приведенных выше стихах поэмы «Вера», и в негативных характеристиках гимназии

¹² *Гиппиус З.* Собр. соч. М., 2019. Т. 16 (дополнительный). Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь и работа / Предисловие, подг. текста и комм. Р. А. Городницкого и А. И. Серкова. С. 28.

¹³ Подготовка летописи объявлена группой научных сотрудников ИМЛИ, см.: <https://istina.msu.ru/projects/58536237/>; дата обращения: 31.12.2020.

¹⁴ *Оппель В. А.* Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия // За сто лет. С. 130.

¹⁵ См.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. 1823–1918 гг.: Историко-биографический справочник / Сост. Б. В. Федоров. СПб., 2011. С. 6; Из воспоминаний Викт. П. Острогорского // За сто лет. С. 74. Острогорский Виктор Петрович (1840–1902) — известный педагог.

в «Старинных октавах». Наиболее четко и кратко эта оценка сформулирована в «Автобиографической заметке», которую постоянно цитируют биографы Мережковского: «Я воспитывался в (петербургской) 3-й классической гимназии. То был конец семидесятых и начало восьмидесятых годов, — самое глухое время классицизма: никакого воспитания, только убийственная зубрежка и выправка. Директор — выживший из ума, старый немец Лемониус, очень похожий на свою фамилию. Учителя — карьеристы. Никого из них добром помянуть не могу, кроме латинского учителя Кесслера, автора известной грамматики; он тоже добра нам не делал, но, по крайней мере, смотрел на нас глазами добрыми».¹⁶

Что же собой на самом деле являла эта гимназия, каковы были ее программы, методы преподавания и учителя?

Мережковский учился по новому учебному плану 1872 года, который был разработан после внедрения классической системы. План предусматривал введение (а для третьей гимназии — увеличение) часов на изучение древних языков (они вместе с математикой были признаны профилирующими предметами гимназического курса) за счет сокращения часов по истории, закону Божьему и новым языкам и изъятия естественных-научных дисциплин, а также рисования, черчения и чистописания. Кроме того, как раз в год поступления Мережковского в гимназию (1875) семилетний курс был расширен до восьмилетнего.

Однако в 1877 году учебные планы снова подверглись пересмотру. Главные перемены коснулись истории и словесности. По новой программе был введен шестилетний курс истории. Она изучалась с третьего по восьмой класс, и, кроме древней истории, в план был включен систематический курс всеобщей и русской истории, а также расширен курс истории средних веков с изучением фактов из славянской и византийской истории. В качестве домашних заданий, судя по всему, предлагалось писать пересказы и рефераты по пройденным темам. В фонде Мережковского сохранилось несколько его сочинений по истории Древней Греции и Рима. Новая программа по русскому языку и словесности предусматривала изучение грамматики с 1-го по 4-й класс (с начальными сведениями по грамматике старославянского языка в 4-м классе). С 5-го класса начались уроки по теории и истории литературы — обширный и полновесный курс, тогда как прежде словесность сводилась к кратким замечаниям при чтении образцовых произведений древнерусской и русской литературы. К гимназическим занятиям по истории и русской словесности мы вернемся в дальнейшем.

Эти предметы не упомянуты в поэме. Однако представляется не случайным, что у будущего автора историко-литературных исследований и критико-литературных статей, а также исторического романа о римском императоре-отступнике в архиве бережно сохранилось более двух десятков гимназических сочинений и изложений, где он впервые обращается к этим предметам. По всей видимости, Мережковский относился к своим детским работам не без ностальгии и сантиментов, как и к первым поэтическим творениям, в большом объеме отложившимся в его фонде.¹⁷ Серьезное отношение к сохранности архива, вероятно, было связано также с опытом собственных источниковедческих разысканий при создании историко-литературных монографий и исторических романов.¹⁸

¹⁶ Русская литература XX века. С. 290.

¹⁷ Одна из объемных тетрадей с гимназическими стихотворениями была подарена в 1895 году известному коллекционеру рукописей Ф. Ф. Фидлеру с надписью: «Дорогому Федору Федоровичу Фидлеру на вечные времена и на добрую память этот первый детский лепет, стихотворения, никогда не напечатанные и не предназначенные для печати, дарятся Д. С. Мережковским» (ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 4. № 234).

¹⁸ См. стихи в заключительной части поэмы «Старинные октавы»:

А может быть и то: под слоем пыли
Меж тех, чьи книги только мышь грызет,
Кого давно на чердаке забыли,
Историк важный и меня найдет...

(с. 581)

Число предметов увеличивалось от класса к классу.¹⁹ В первом классе изучали: закон Божий, русский язык, латынь, математику (арифметику) и географию. Во втором — прибавились иностранные языки: французский и немецкий. Укажем в скобках, что при поступлении в гимназию один из родителей (или наставник) ученика в «Прошении» указывал, будет ли его подопечный изучать оба этих языка или какой-то один и какой именно. Отец Дмитрия в этом прошении указал оба языка.²⁰ В третьем классе прибавились греческий язык и история; а вместе с арифметикой — алгебра, в четвертом, наряду с алгеброй, — геометрия, в пятом классе русский язык сменился словесностью, в шестом классе прибавляется физика, в седьмом — тригонометрия, а в восьмом — математическая география (т. е. отдел космографии, основы астрономии) и логика.

В первый класс могли поступать мальчики, достигшие 10 лет. При гимназии в эти годы был открыт одногодичный приготовительный класс, куда принимали с 9 лет.

Кроме того, в гимназии с самого момента ее основания был открыт пансион для детей из малообеспеченных семей, а также для детей дворян и чиновников, живущих в провинции, и, по воспоминаниям бывших пансионеров, между ними (в отличие от «приходящих учеников») была особая сплоченность и дружба. Пансионеры отпускаясь домой (или в семьи столичных родственников) только на выходной день и «содержались на казенном коште», т. е. на казенном питании. «Приходящие» ученики приносили завтрак из дома.²¹

Гимназия славилась своим образованием и гордилась тем, что из ее стен вышло много известных государственных и общественных деятелей (крупных сановников, знаменитых юристов, дипломатов, сенаторов, губернаторов и т. д.), хотя она изначально была демократической и дешевой:²² ставка делалась на «несостоятельные семейства».²³ Социальный состав ее учеников был очень пестрым, и детей из привилегированных семей было очевидное меньшинство (в отличие, например, от первой гимназии). И, что интересно, дети из провинциальных и наименее обеспеченных семей, как правило, оказывались медалистами и учились более ревностно. По воспоминаниям пансионеров, они регулярно после занятий готовили уроки в специальных учебных комнатах и повторяли задание перед уроками рано утром. За этим следили гувернеры и воспитатели, а кроме того, у пансионеров было меньше отвлечений

¹⁹ Список предметов устанавливается по рукописным «Программам преподавания по всем предметам гимназии на оба полугодия», сохранившимся в фонде третьей гимназии за 1876/1877 и 1877/1878 учебные годы (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5058 и 5089), и уточняется по журналам четвертных отметок, а также по экзаменационным ведомостям; журналы сохранились в фонде гимназии только за 6–8-й классы обучения Мережковского с 1880/1881 по 1882/1883 (Там же. № 1712, 1727, 1743), а экзаменационные ведомости — за все 8 лет, с 1875/1876 по 1882/1883 учебные годы (Там же. № 2299, 2303, 2302, 2301, 2300, 2304, 2305, 2306).

²⁰ Там же. № 5315. Л. 15.

²¹ См. в первой песне «Старинных октав» описание изысканного завтрака, который Дмитрию готовила мать и который для него был овеян материнской любовью и заботой:

На завтрак белый рябчика кусок,
Обсахаренный вкусный померанец,
Любимую конфету, пирожок
Она тихонько прятала мне в ранец;
Когда я в классе вынимал платок
С ее духами, вспыхивал румянец
Любви стыдливой на моих щеках,
Сияла гордость детская в очах.

(с. 552)

²² Возможно, этим обстоятельством (а не только относительной близостью к дому и хорошей репутацией) руководствовался при выборе гимназии для своих детей С. И. Мережковский, который, как известно, не отличался щедростью.

²³ Очерк истории гимназии см.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. С. 6–13.

и развлечений, чем у «приходящих», хоть на переменах они были куда более шумными, часто затевали драки и шалости и чаще подвергались наказаниям.

56-й выпуск (выпуск Дмитрия Мережковского) соответствовал общему социальному составу гимназии. Из 15 учеников, окончивших в 1883 году, пятеро (среди них Дмитрий и Александр Мережковские) были из семей крупных чиновников и военных. Кстати, к этому социальному кругу принадлежал упомянутый Мережковским в рукописном варианте автобиографии Корибут-Кубитович, «очень благородный юноша», с которым поэт сошелся «несколько ближе других» (как удалось установить, он приходился двоюродным братом Д. В. Философову).²⁴ Остальные воспитанники были из семей мелкого чиновничества и недворянского сословия. Двое медалистов — соответственно из купцов и мещан, еще один ученик — из духовного звания (тот самый Евгений Соловьев, которого Мережковский упоминает в своей «Автобиографической заметке»),²⁵ а более трети списка (6 человек) — дети мелких чиновников; об одном из учеников этого класса сведений вообще не сохранилось.²⁶

Интересно отметить социологический парадокс. Из выпускников третьей классической гимназии, ставших знаменитыми деятелями науки и культуры, собственно филологов и историков оказалось почти вдвое меньше, чем «естественников»: медиков, физиков, математиков и инженеров (16 против 31), что, безусловно, свидетельствует не только о высоком уровне преподавания точных наук, но и о нежелании большинства выпускников продолжить специализироваться в классическом образовании.

Ретроспективные оценки системы воспитания в гимназии и отзывы о ее педагогах были неоднозначны. Но оценка качества образования в целом была высокой. Приведем замечание беспристрастного и авторитетного «судьи», А. Ф. Кони: «Хотя я не принадлежал к воспитанникам III-й гимназии <...>, но, в качестве петербургского старожилы, был всегда исполнен особого уважения именно к III-й гимназии. Она всем казалась самою серьезною по направлению и, вместе с тем, самою трудною, так как в ней, кроме лагинского языка, обязательного для всех гимназий Уваровского типа, было широко поставлено преподавание греческого языка. Житейские встречи с бывшими ее воспитанниками подтверждали основательность даваемого ею образования. <...> Несмотря на ее классический характер, из нее выходили на арену высшего образования люди разнообразных в будущем профессий. Между ними оказались медики, математики и естествоиспытатели, хотя все-таки преимущественно *юристы*, приученные классиками и их языком к ясному, точному и сжатому выражению своих мыслей, что столь необходимо для деятельности, в которой живое слово играет такую роль, — выходили *педагоги*, как носители и развиватели приемов, завещанных III-й гимназией — выходили *представители искусства*, так тесно связанного в своих источниках с античным миром».²⁷

²⁴ ИРЛИ. № 24384. Л. 8. Юрий Георгиевич Корибут-Кубитович (1863–1918), сын подполковника Г. Д. Корибут-Кубитовича (ум. 1872), учился с 1873-го с приговорительного класса по 1883 год. Его мать, урожд. Дягилева, была родной сестрой Анны Павловны Философовой, он воспитывался в семье дяди Владимира Дмитриевича Философова, главного военного прокурора Российской империи и члена Государственного совета. По окончании юридического факультета Петербургского университета (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 23275) служил в лейб-гвардии Волынском полку.

²⁵ «С товарищами я мало сходил: был нелюдим и застенчив. Несколько ближе — и то не очень — сошелся с Евг. Соловьевым, впоследствии публицистом и критиком (теперь уже покойным); но и с ним — не по сходству, а по противоположности: он был скептик, я уже и тогда немного мистик» (Русская литература XX века. С. 290). Имеется в виду Евгений Андреевич Соловьев (1866–1901), пансионер в гимназии; по окончании историко-филологического факультета Петербургского университета (учился вместе с Мережковским) учительствовал в Сибири, в 1890-е годы известный литературный критик-фельетонист и публицист, печатавшийся под разными псевдонимами, в частности под псевдонимом «Скриба» в «Русской жизни» и «Новостях»; в последние годы жизни преподавал историю в той же третьей гимназии.

²⁶ Список этого выпуска см.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. С. 625.

²⁷ Почетный академик А. Ф. Кони о Петербургской 3-й гимназии // За сто лет. С. 150.

Если же обратиться к воспоминаниям известных выпускников, то и те из них, кто отрицал систему классического образования, в целом положительно оценивали плоды обучения в этой гимназии.

Вот какую оценку образованию в своей alma mater дал В. А. Оппель, знаменитый профессор медицины, хирург и основатель отечественной эндокринологии. Он был младше Мережковского, но учился по той же классической системе и у тех же учителей: «Если я спрошу себя, питаю ли я к классическому образованию какую-нибудь привязанность, то спокойно отвечу: никакой. Это не значит, что в моей памяти нет места для приятных, радостных воспоминаний. Это не значит, что я отрицательно отношусь ко всем педагогам, которые меня обучали „классическим“ предметам. <...> Среди моих воспоминаний много отрадного. Я благодарен гимназии, что она меня все-таки научила учиться, научила и мыслить, но ко всей системе классического образования в той постановке, которая существовала с тяжелой руки графа Толстого, я до сих пор не питаю ничего, кроме ненависти». И далее он так завершает свои воспоминания: «3-я С.-Петербургская классическая гимназия <...>, благодаря умелому подбору умных преподавателей, давала чуть не лучшее образование и давала учеников, которые, после окончания гимназии, умели мыслить и работать. Гимназия многим сохранила самое ценное в деятельности человека — умение мыслить. При том гнете, который существовал, это было главным. Главное гимназия сделала».²⁸

Приведем еще свидетельство историка, т. е. представителя «филологического направления», В. О. Страховича. Говоря о бытовавшем негативном отношении к классическому образованию среди учеников гимназии, он признается: «В этом отношении я представляю исключение, так как у меня нет недоброго чувства к моей тогдашней alma mater. Объясняю это <...>: во-первых — хорошими традициями гимназии, а во-вторых — хорошим составом преподавателей. Если отделить высшую политику и циркулярные предписания министерства, нивелирующие гимназии всей России <...>, то можно положительно сказать, что учебное и воспитательное дело обстояло в ней много лучше и гуманнее, чем можно было ожидать при существовавших условиях. Учебное дело, правильнее, учебка была поставлена хорошо <...>. Каждый педагог учил в меру своих сил и приобретенных знаний, но ни один из них никогда не пытался, хотя бы намеком, повлиять на наши политические и общественные взгляды. <...> В дисциплине не было ни чрезмерной строгости, ни боязливых поблажек, доводящих нередко до распущенности. И вот этот „умеренный режим“ я ставлю за счет директора В. Хр. Лемониуса. Очевидно, такой порядок был им заведен за много лет назад, во дни его директорской молодости, совпадавшей с началом эпохи великих реформ, и таковым держался, по инерции, до наших дней».²⁹

Эти объективные и взвешенные суждения о гимназии (и о директоре) расходятся с приведенными выше негативными характеристиками, данными Мережковским. Можно предположить, что определенную роль здесь сыграли воспоминания первых лет обучения, которые оставили тяжелый след в памяти не только Мережковского. Позитивные же воспоминания о старших классах не встраивались в общий дискурс, в ту дихотомическую структуру поэмы, о которой мы говорили выше. Что же касается «Автобиографической заметки», то в ней Мережковский явно ориентируется на художественно деформированную картину гимназического обучения, которая нарисована в поэме, отчасти вследствие понятной амнезии, отчасти сознательно «следуя символическому принципу жизнотворчества и реализуя собственный тезис о том, что лучшая из автобиографий — произведение писателя».³⁰

Действительно, судя по воспоминаниям гимназистов, обучение в младших классах было намного тяжелее, чем в старших. Перегруженность школьной программы

²⁸ Оппель В. А. Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия. С. 130, 141.

²⁹ Страхович В. О. Листки из воспоминаний. С. 141–142. Страхович учился в гимназии на 10 лет позднее Мережковского, но никаких серьезных изменений в методе преподавания до 1893 года в гимназии не произошло. Теми же остались и почти все преподаватели.

³⁰ Холиков А. «Автобиографическая заметка» и стратегия самосотворения во втором прижизненном «Полном собрании сочинений» Д. С. Мережковского // <http://sites.utoronto.ca/tsq/57/Kholikov57.pdf>.

влекла переутомление учеников, поскольку при новой системе именно на младшие классы приходилась огромная нагрузка по древним языкам. В первый класс поступали уже подготовленные домашним образованием мальчики, умевшие писать и читать, знавшие азы арифметики, читавшие (а иногда и говорившие) на одном или двух иностранных языках. Но груз механического заучивания слов и грамматических правил мертвых языков и чрезвычайно высокие требования, предъявляемые к гимназистам третьей гимназии, — все это для многих оказалось непосильным. На младшие классы, кроме того, падало изучение грамматик русского, старославянского и новых языков. Нельзя не учитывать и стресс от новой обстановки казенного заведения, от общения с множеством разношерстных одноклассников и от дисциплинарных требований (например, неукоснительного ношения формы везде, кроме дома), казавшихся казарменно суровыми после домашнего воспитания.

Следует также учесть, что в третьей гимназии по традиции уроки начинались раньше, чем в других гимназиях Петербурга, не с девяти, а с половины девятого, т. е. примерно половину учебного года (поздней осенью и зимой) в суровом петербургском климате ученики приходили в школу до рассвета. И первыми уроками в эти темные часы были именно древние языки, что не могло не влиять на психику ребенка.

Вот как вспоминал об этом знаменитый медик, основоположник учения об инфекционных заболеваниях Н. Я. Чистович:³¹ «В воспоминаниях моих первые годы гимназии оставили тяжелое впечатление. Это был период утрированного классицизма, видевшего задачей преподавания не усвоение миросозерцания классических авторов, а исключительно изучение самых языков, тонкостей их грамматики. <...> Мы усвоили грамматику этих языков так, что могли хорошо переводить не только с латинского и греческого на русский, но и обратно. Ценой невероятных усилий мы овладевали этими мертвыми языками, свободно читали классических авторов, но, к сожалению, нас очень мало знакомили с духом читаемых произведений <...>. Первые годы гимназии были почти сплошную зубрежку: зубрили латинские слова и грамматику, зубрили по-гречески, по-немецки, по-французски. Зубрили и географию. И так шли первые пять лет: утром отсиживали 5 часов на уроках, вечером должны были готовить уроки по 5 предметам, и так изо дня в день. Эта монотонность детской жизни и непрерывный труд были так нелепы и противоестественны, что, я помню, мой брат Алексей говорил, что завидует собакам, что они свободно бегают, а он вынужден сидеть весь день. Требования были так велики, что большая часть воспитанников не доходила до конца курса. Из моего первого класса до конца курса, не оставаясь на второй год, дошло только двое <...>. Это непрерывное сиденье над ничего не говорящими сердцу древними языками и вся бездушная система Толстовской школы вела к тому, что у воспитанников гимназии назревало отрицательное отношение к ней, у некоторых доходившее почти до ненависти. <...> И, действительно, <...> первые пять классов гимназии были сплошным страданием».³²

В одной из черновых школьных тетрадей Мережковского сохранилось расписание уроков за пятый класс, которое подтверждает мемуарные свидетельства Чистовича. Правда, древние языки в пятом классе уже не являли собой одну ничем не одухотво-

³¹ Н. Я. Чистович поступил в гимназию в 1870 году (см.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. С. 464–465), т. е. учился на пять лет раньше Мережковского.

³² Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича // За сто лет. С. 94. Заметим, что Мережковский уже в конце четвертого класса втянулся в занятия: в одном из школьных сочинений он дает такую оценку гимназических занятий: «Но не одними каникулами и праздниками разнообразятся занятия: в них самих еще больше различных видов и оттенков. Это целый фантастический мир, который, по мере того как его узнаешь и стараешься понять, делается все более заманчивым и привлекательным. В труде есть свои недостатки и неудовольствия, но зато взамен этого, сколько он дает нам радостей, как разнообразит нашу жизнь!» («Сравнение первой половины года со второй» // ИРЛИ. № 24360. Тетрадь для изложений Д. Мережковского, ученика > IV кл <асса> прих<одящего> > 3-й СПГ. 1878/1879 г. Л. 31).

ренную грамматику,³³ но и при разборе и чтении античных авторов акцент все равно делался на грамматику и синтаксис. В расписании они поставлены первыми уроками четыре дня в неделю.

<i>Понедельник</i>	<i>Четверг</i>
Латынь — Саллюстий Математика — алгебра Греческий — Киропедия История Французский — перевод с французского	Греческий — Киропедия Немецкий — перевод с русского Латынь — Саллюстий Французский — грамматика Русский
<i>Вторник</i>	<i>Пятница</i>
Греческий — Киропедия Латынь — Овидий Русский Математика — геометрия Закон Божий	Греческий — Киропедия Латынь — Овидий Русский Математика — геометрия Закон Божий
<i>Среда</i>	<i>Суббота</i>
Немецкий — перевод с немецкого Греческий — грамматика (тетрадь) Французский — грамматика, перевод с русского Латынь — грамматика Математика — алгебра	Немецкий — готика Греческий — грамматика (тетрадь) История Латынь — грамматика ³⁴

Таким образом, уроки по древним языкам были каждый день: по 6 часов латыни и по 6 часов греческого в неделю, из которых по 2 часа выделялось на грамматику, а 4 часа на чтение и разбор текста.

На уроках греческого 4 часа переводили и разбирали «Киропедию» Ксенофонта. Судя по программе преподавания греческого языка,³⁵ речь идет о чтении и разборе пятой книги. Однако в той же тетради Мережковского за пятый класс, среди черновилов домашних заданий, имеется много разрозненных страниц переводов из других книг «Киропедии» (например, третьей).³⁶

На уроках латыни — 2 часа читали и разбирали «Югуртинскую войну» (Bellum Iugurthinum) Гая Саллюстия³⁷ и 2 часа Овидия; в черновом варианте программы по латыни пояснялось: «Чтение „Метаморфоз“ Овидия из VI книги с 176–318 стих (Niobe) с предварительными сведениями о жизни <и> произведениях Овидия и главнейшие правила латинской просодии».³⁸

Специально не останавливаясь на других предметах за пятый класс, продолжим цитату Чистовича: «Оживать мы стали лишь с 6-го класса, когда между преподавателями стали попадаться истинные педагоги. О них считаю своим долгом сказать несколько слов».³⁹

Именно «истинные педагоги» остались в памяти многих учеников. В их оценке мемуаристы проявляли редкое единодушие. Впрочем, они, как правило, сходились и в оценке плохих учителей.

³³ По выражению Блока в «Исповеди язычника» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 41).

³⁴ ИРЛИ. № 24360а. Л. 129.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 21–23.

³⁶ ИРЛИ. № 24360а. Л. 2–2 об., 7, 13–14, 53 об. Возможно, текст штудировался по изданию: Xenophontis. Surogaedia / Текст со словарем сост. для гимназий Я. Кремером, преподавателем древних языков при 4 Московской гимназии. М., 1870 (2-е изд. — 1877).

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 18–20 об.

³⁸ Там же. № 5058. Л. 24 об. — 25.

³⁹ Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 95.

Портреты учителей даны во второй песне поэмы. Следуя в комментаторских заметках за текстом «Старинных октав», отметим сначала несколько реалий, требующих комментария в первой песне, где речь идет именно о младших годах обучения.

Младшие классы

Стихи, посвященные гимназическим занятиям, появляются в конце первой песни:

LXXXVII

Стучится дождь однообразно в стекла.
К экзаменам готовлюсь я давно,
Зевая, год рожденья Фемистокла
Твержу уныло и смотрю в окно:
В грязи шагая, охтинка промокла...
И сердце скукой мертвою полно.
Решить не в силах трудную задачу,
Над грифельной доской едва не плачу.

(с. 548)

Можно было бы предположить, что здесь речь идет о подготовке к экзаменам для поступления в гимназию, так как следом идет строфа:

LXXXVIII

Но вот пришел великий грозный час:
Вступая в храм классической науки,
Чтобы держать экзамен в первый класс, —
Я полон дикой робости и муки.
Смотрю в тетрадь, не подымая глаз,
Лицо в чернилах у меня и руки,
И под диктовку в слове «осенять»
Не знаю, что поставить — е или ъ.

(с. 548–549)

Однако две эти строфы хронологически не связаны между собой. Биография *Фемистокла*, даты жизни которого герой «уныло» зубрит, не имеет отношения к вступительному экзамену. Скорее всего, речь идет о подготовке к экзамену по истории Древней Греции, которую изучали в общем курсе истории в третьем классе.⁴⁰ *Трудная задача*, вероятно, относится к алгебре, которую, как мы указывали ранее, как и историю, начали изучать в том же третьем классе.

Что же касается вступительных экзаменов, то их Дмитрий держал 1 августа 1875 года: этим числом подписано прошение отца, С. И. Мережковского, на имя директора гимназии В. Х. Лемониуса о приеме его «сына Дмитрия» «в вверенную Вам гимназию».⁴¹ Дмитрий сдавал (как и все, поступающие в первый класс) закон Божий, русский язык и арифметику. В процитированной выше строфе речь идет о диктante (письменном экзамене) по русскому языку. Будущий поэт не продемонстрировал особой грамотности, получив по русскому тройку с минусом. В журнале под заглавием «Экзаменационные отметки за 1874–1875 гг.» в списке «вновь поступивших» имеется запись: «Мережковский Дмитрий 10 л<ет>. Закон Божий — 5, Русский — 3–, Математика — 4».⁴²

⁴⁰ О программе по всеобщей и русской истории см. во второй части статьи.

⁴¹ Промение подшито в папку «Дело об экзаменах и выпуске воспитанников. 1883 г.» (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5313. Л. 15).

⁴² Там же. № 2298. Л. 129 об.

Заметим кстати, что в сохранившихся письменных работах Мережковского, гимназиста младших классов,⁴³ большое количество ошибок именно на написание е и -ѣ.

Итак, в первой песне всплывают воспоминания о поступлении в гимназию, о младших классах, о казенной обстановке, скуке и бессмысленности «свирепого» классического образования:

LXXXIX

Я помню место на второй скамейке,
Под картою Австралии, для книг
Мой пыльный ящик, карандаш, линейки,
Казенной формы узкий воротник,
Мучительный для детской тонкой шейки.
Спряжение глаголов я постиг
С большим трудом; и вот я — в новом мире,
Где божество — директор в вицмундире.

XC

От слез дрожал неверный голосок,
Когда твердил я: *lupus... conspicavit...*
In grege pascebatur... и не мог
Припомнить дальше; единицу ставит
Мне золотушный немец-педагог.
Томительная скука сердце давит:
Потратили мы чуть не целый год,
Чтобы понять отличие *quín* и *quod*;

XCI

А говорить по-русски не умели.
И, в сокровенный смысл частицы *ut*
Стараясь вникнуть, с каждым днем глупели.
Гимнастика ума — полезный труд,
Направленный к одной великой цели:
Нам выправку казенную дадут
Для русского чиновничьего строя,
Бумаг, служебных дел и геморроя.

XCII

Так укрощали в молодых сердцах
Вольнолюбивых мыслей дух зловерный;
Теперь уже о девственных лесах,
О странствиях далеких мальчик бедный
Не помышлял: потухла жизнь в очах.
В мундир затянут, худенький и бледный,
По петербургской слякоти пешком
Я возвращался в наш холодный дом.

(с. 549–550)

Некоторые детали в приведенных строфах требуют реального комментария. Безусловно, в них речь идет о младших классах, когда изучались части речи и грамматические правила употребления и различения латинских союзов, местоимений и частиц.⁴⁴

⁴³ Список школьных сочинений Мережковского см. во второй части статьи.

⁴⁴ См. в «Программе по латыни» во втором классе: «Главнейшие правила синтаксиса в сжатой форме, из синтаксических правил обратится <так!> особое внимание на косвенный

Точную отсылку на время действия дает строфа ХС, в которой герой вспоминает ответ на уроке латыни.

Фраза «*Lupus conspicavit... In rupe pascebatur*» («Волк заметив... на скале пасшующая», лат.) является неточным переложением начала прозаического пересказа на латинский язык басни Эзопа «Волк и Коза» («*Lupus et capra*»): «*Lupus, capram conspicatus est, quae in rupe pascebatur*» (у Мережковского пропущены три слова и ради рифмы искажено окончание глагола — *conspicavit* вместо *conspicatus*). Этот текст из «Хрестоматии при грамматике Кюнера»⁴⁵ заучивался по программе латинского языка во втором полугодии второго класса.⁴⁶

Что же касается латиниста («*золотушный немец-педагог*»), поставившего герою единицу, то, по всей видимости, речь идет об Александре Андреевиче Кеммерлинге (1852–1916),⁴⁷ преподавателе древних языков (с 1876 года) в младших классах. Он преподавал в гимназии латынь и греческий (с первого по третий класс): его подпись стоит на экзаменационном листе у Мережковского третьеклассника.⁴⁸ Бывшие ученики гимназии вспоминали, какой ужас он вызывал у них и как «свирепо» ставил нули и единицы: «Это было что-то небольшое, невзрачное, что-то шершавое и лохматое, украшенное малинового цвета носом и очками. Его уроки <...> были самыми ранними уроками. В зимнее время в эти часы полутьма. В классе зажжены керосиновые лампы, свисающие с потолка, с абажурами. Гимназисты полусонные, напуганные, не шумят, а только шепчутся».⁴⁹

Кеммерлинг относился к типу «мучителей-педантов», которых в третьей гимназии среди педагогов, к счастью, было немного: «Он <...> был слегка кривобок, лицо у него было красноватое, несколько напоминавшее куафюрою и обликом очень искаженный портрет Пушкина, с золотыми очками на носу. Говорил он по-русски <...> с некоторым немецким акцентом. Тиранил он учеников ужасно. <...> Когда он входил в класс, большинство воспитанников находилось в лихорадочном состоянии. Медленно разгибал он журнал, как-то угрожающе ударял по кафедре большим перстнем с вензелем, медленно клал на кафедру золотые часы, открывал их и произносил такую страшную фразу: „Кто, по произнесении мною русского текста, будучи вызван, будет медлить более одной минуты, получит единицу, кто сделает ошибку против синтаксиса, получит единицу, кто сделает ошибку против грамматики, получит нуль“. После такого вступления он брал немецкую книгу, из которой делал сам тут же перевод фразы на русский язык. Фразы были тяжелые, удобопонятные лишь для тех, кто освоился с его своеобразным языком. Произносилась фраза, вроде следующей: „Ведь известно, что в древнем Вавилоне сложенные из кирпича стены были столь широки, что две рассказавшиеся квадриги навстречу друг другу могли проехать, не задев одна другую концом оси“.⁵⁰ Затем он вел пером по списку учеников, положительно замиравших от чаяния грядущих зол. <...> Вызывался один, другой, третий ученик. Поочередно они вставали, лепетали слова, судорожно пытались справиться с фразою, под страшным взором Кеммерлинга, и гибли, гибли, — полу-

вопрос, последовательность времен, обороты acc<usativus> и nom<inativus> с<um> inf<initivo> и abl<ativus> abs<olutus>, а также союзы ut, ne, quin, quominus, quam etc.» (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 18 об.).

⁴⁵ Имеется в виду многократно переиздававшийся учебник: Латинская грамматика с примерами и упражнениями, латинской хрестоматией и словарями латинско-русским и русско-латинским. Сост. по Р. Кюннеру и доп. Я. Кремер. Ч. 1–2. М., 1868 (9-е изд. — 1887); указанный текст см., например, в пятом издании (М., 1873. Ч. 1. С. 209).

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 18 об. — 19.

⁴⁷ См. личное дело Александра Кеммерлинга: ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 167. Л. 1 об. Укажем на допущенную нами ошибку в комментарии к этой поэме в издании: Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. С. 878 (здесь этот педагог идентифицирован как В. Х. Лемониус, см. о нем ниже).

⁴⁸ См. ниже, отметки Мережковского за третий класс и ссылку на источник в прим. 57 и 58.

⁴⁹ Оппель В. А. Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия. С. 137.

⁵⁰ Эти сведения восходят ко второй книге «Истории» Геродота.

чая единицы и нули. Как жестоко суров был он в отношении баллов, видно из такой справки: из 30 воспитанников V класса к концу учебного года 22 имели неудовлетворительные отметки по латыни и обречены были или оставаться на второй год, или держать осенью переэкзаменовку».⁵¹

Приведем характеристику этого педагога из мемуаров уже цитировавшегося выше В. О. Страховича: «Это был не умный и неуравновешенный человек, которого и близко к детям подпускать было нельзя, а между тем он более десятка лет был преподавателем и классным наставником именно младших классов. <...> Кеммерлинга можно было перевести в старшие, или хотя бы в средние классы, если казалось жестоким удалить его вовсе из гимназии, что он вполне заслуживал. <...> Старшие ученики сумели бы постоять за себя; но малыши, отданные ему под руководство, ничего не могли предпринять, кроме слез, молитв и постоянного трепета перед грядущим классным наставником. Кеммерлинг не щадил ни самолюбия, ни человеческого достоинства ребятшек, был придирчив и жесток. Он пугал ребят своим страшным криком, обращавшимся на высоких нотах в визг, своим багровым от крика, прыщеватым лицом, своими угрозами и наказаниями».⁵²

У Кеммерлинга Мережковский по латыни имел в среднем четверку, т. е. учился хорошо и старательно, описанная в поэме сцена вряд ли имела к нему отношение. Скорее всего, он воспроизводил одну из типичных ситуаций на уроке древних языков в младшем классе, которая навеки запала в его душу.

Можно попытаться прокомментировать и идущие следом октавы поэмы, также имеющие отношение к гимназии: в них рисуется подготовка домашнего задания или, скорее, подготовка к экзамену, и вновь недобрым словом помянуты гимназия и учителя:

XCIV

В тот час, как темной грифельной доски
И словарей коснулся луч последний
Туманного заката, и тоски
Напев был полон в комнате соседней
Старухи няни, штопавшей чулки, —
Далекий шум слышался в передней...
Мне было скучно, и на груды книг
Я головой усталою поник...

XCV

Вдруг голос мамы, шорох платья милый,
Ее шагов знакомый легкий звук...
Я побледнел и алгебры постылой
Учебник на пол выронил из рук.
Не от любви с неудержимой силой
Забилось сердце, — это был испуг;
Я в классицизме, в мертвом книжном хламе
Так одичал, что позабыл о маме

XCVI

За год разлуки: как угрюмый зверь,
Со злобою смотрел на злые лица
Учителей; казалась теперь
Мне падежей неправильных таблица

⁵¹ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии // За сто лет. С. 121. Историк и переводчик Борис Кесаревич Ордин (1866 — после 1935, репрессирован) учился в гимназии на год младше Мережковского (золотой медалист) и потом окончил тот же историко-филологический факультет, что и Мережковский; после революции был сотрудником Публичной библиотеки.

⁵² Страхович В. О. Листки из воспоминаний. С. 143.

Важней любви... От матери за дверь
Я спрятался; как пойманная птица,
Дрожал в углу, безмолвие храня, —
И вдруг она увидела меня...

XCVII

Но я уж сам к ней бросился в объятия,
Про все забыв, — сестер не слышал крик
И не видал, как прибежали братья,
Закрыв глаза, к ее груди приник...

(с. 550–551)

Скорее всего, эта драматическая встреча произошла в конце обучения Мережковского в 4-м классе. Именно весь 1878/1879 учебный год он не видел матери. С лета 1878-го по лето 1879 года его отец по долгу службы жил в Ливадии вместе с женой, которую всегда брал с собой в длительные командировки.⁵³ Судя по датам в формулярном списке, С. И. Мережковский вернулся на службу в Петербург в начале июня 1879 года, а до середины июня в гимназии шли экзамены.⁵⁴ Кстати, на устном и письменном экзаменах по «алгебре постылой» за четвертый класс Дмитрий получил четверки.

На этом кончаются упоминания гимназии в первой песне поэмы. Приведем отметки Мережковского за четыре первые года обучения (первую половину гимназического курса), которые выводились по пятибалльной системе, но с добавочными дробями, указывающими на более высокую оценку знаний, чем выставленный балл. За первый (1875/1876 учебный год) и четвертый классы (1878/1879 учебный год) сохранились отметки по успеваемости за год, а также на экзаменах и общие; за второй и третий классы (1876/1877 и 1877/1878 учебные года) — только суммарные отметки.

1-й класс⁵⁵

Закон Божий	Русский	Латынь	Математика	Геогр.
5	3	4	4	4

Русский язык	За год	3 ³ / ₄	За экз.	3	Общая	3
Латынь	За год	3 ³ / ₄	За экз.	4	Общая	4
Математика	За год	4	За экз.	4	Общая	4

2-й класс⁵⁶

Закон Божий	Русск.	Латынь	Математ.	Геогр.	Франц.	Нем.
5	3	4	3	4	4	3

⁵³ Этот факт подтверждает, со слов мужа, и З. Н. Гишпиус (*Гинпиус З.* Собр. соч. Т. 16 (дополнительный). С. 31).

⁵⁴ Эти даты по формулярному списку Сергея Ивановича Мережковского впервые введены в научный обиход в книге: *Золотоносов М. Н.* Братья Мережковские. М., 2003. С. 17 (глава «Отец»). С. И. Мережковский и позже уезжал в Ливадию, в частности, был там все первое полугодие следующего учебного года и коротко летом 1880 года, но столь долгих отлучек уже не было. Заметим, что в этом учебном году Мережковский оказался первым учеником класса по сумме общих баллов. Может быть, в качестве поощрения успехов отец этим летом, вняв просьбам матери, взял его с собою в Крым; сохранилось много гимназических стихотворений с крымской тематикой, датированных 1879 годом.

⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2299. Л. 116–120.

⁵⁶ Там же. № 2303. Л. 96.

3-й класс⁵⁷

Закон Божий	Русск.	Латынь ⁵⁸	Греч.	Математ.	История	Геогр.	Франц.	Нем.
5	4	4	3	3	3	4	4	3

4-й класс⁵⁹

Закон Божий	Русск.	Латынь	Греч.	Мат.	Истор.	Геогр.	Франц.	Нем.
5	4	4	4	4	4	3	4	5

Закон Божий	За год	3 1/3	Экз.		5	Общая	5	Педагог Ветвеницкий
Русск. язык	За год	3	Экз. письм. 4	Экз. уст. 4	4	Общая	4	<Педагог не вписан. — К. К.>
Латынь	За год	3 1/4	Экз. письм. 4-	Экз. уст. 5	5	Общая	4	Педагог Кесслер
Греческий	За год	3	Экз. письм. 3	Экз. уст. 4	4	Общая	4	Педагог Бюриг ⁶⁰
Математика	За год	3 3/4	Экз. письм. 4	Экз. уст. 4	4	Общая	4	Педагог Семенников
География	За год	3	Экз.		3	Общая	3	<Педагог не вписан. — К. К.>
Нем. язык	За год	3 3/4	Экз. письм. 4	Экз. уст. 5	5	Общая	5	Педагог Э. Буш
Франц. язык	За год	3 3/4	Экз. письм. 4	Экз. уст. 5	5	Общая	4	Педагог А. Тепфер

Средние и старшие классы

Во второй песне «Старинных октав» гимназические занятия впервые появляются в стихах, по поводу которых следует сделать небольшую ремарку.

Отец любил детей, но издал:

Он каждую субботу педантично,

Просматривая баллы, за нули

Нотации читать умел отлично.

(с. 559)

Эти стихи получили художественное толкование в книге Ю. В. Зобнина, увидевшего в них проявление особой заботы отца об успехах сыновей. Отец, по мнению исследователя, входит «во все подробности <...> детского *труда*»; «пространно обсуждая успехи и неудачи <...>, он прозорливо угадывает личные пристрастия и склонности каждого, незаметно и заботливо направляя усилия в правильное русло». ⁶¹ Однако, судя по контексту, автор хотел сказать этими стихами как раз противоположное: нотации за нули — тоскливый еженедельный ритуал, атрибут «унылой картины», олицетворение «немой скуки долгих вечеров», царящей в «мрачном и холодном доме» (см. предыдущие строфы XV и XVI). Заметим, кстати, что проверка отметок входила

⁵⁷ Там же. № 2302. Л. 97.

⁵⁸ Между отметками по латыни и греческому внизу стоит подпись: «Кеммерлинг».

⁵⁹ Там же. № 2301. Л. 83–91.

⁶⁰ Герман (Георгий Васильевич) Бюриг преподавал у Мережковского с шестого класса. Возможно, он замещал педагога на экзамене. См. о нем во второй части статьи.

⁶¹ Зобнин Ю. В. Дмитрий Мережковский. С. 12.

в формальные обязанности отца или опекуна воспитанников третьей гимназии: С. И. Мережковский, определяя сыновей в это учебное заведение, давал письменное обязательство не только «снабжать их формой, учебниками и вносить плату за обучение», но и «следить за процессом обучения». ⁶² И в конце каждой недели инспектор раздавал ученикам «недельные ведомости с отметками, для предъявления родителям». ⁶³

Братья

В сохранившемся плане второй песни поэмы имеется пункт: «Характеристика Саши, Сережи, Коли, Кости». ⁶⁴ Остановимся на трех первых братьях, обучавшихся в той же третьей гимназии. ⁶⁵

Двум из трех упомянутых братьев в поэме уделено по октаве, а третьему — две.

XVIII

С Сергеем мы ходили в тот же класс.
Напоминая бойкую лисичку,
Зрачки зеленоватых быстрых глаз
Лукаво щурить он имел привычку;
Лицо в веснушках помню как сейчас,
Проньрливый и острый носик; кличку
Всему давал он метко; был актер
И дипломат, насмешлив и хитер.

(с. 559)

Сразу отметим неточность: Сергей Сергеевич Мережковский (1863–1930), будущий микробиолог и бактериолог, поступил в первый класс третьей гимназии в 1873 году, т. е. двумя годами ранее Дмитрия. Однако на следующий год, не будучи аттестован, ⁶⁶ он остался на второй год во втором классе, и в четвертом классе снова был оставлен на второй год, получив двойки по русскому, латыни и греческому. ⁶⁷ Далее его имя не встречается ни в «Журналах четвертных оценок», ни в «Экзаменационных списках и ведомостях». Видимо, из-за неуспеваемости по древним языкам он перешел в другое учебное заведение.

XIX

А неуклюжий Саша, молчаливый,
С лицом румяным и тупым, в очках, —
Как медвежонок, дикий и ленивый;
В монахи собирался он, в делах

⁶² ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. Д. 5315. Л. 16.

⁶³ Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 91. Если ведомости не были подписаны родителями или опекуном, ученики несли наказание, как гласят записи в «Кондуктном журнале» (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2344).

⁶⁴ ИРЛИ. № 24270. Л. 61. Опубликовано в примечании к поэме, см.: *Мережковский Д. С.* Стихотворения и поэмы. С. 876.

⁶⁵ Из пятерых братьев Мережковского двое учились в других учебных заведениях: старший, упомянутый в плане Константин (1855–1921) закончил Училище Правоведения (см. о нем подробно в книге М. Н. Золотоносова «Братья Мережковские»), следующий, Владимир (р. 1857) — Павловское военное училище.

⁶⁶ См. в «Экзаменационных списках и ведомостях за 1874–1875 уч. г.» прочерк против фамилии «Мережковский Сергей» (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2298. Л. 67), а в «Экзаменационных списках и ведомостях за 1875/1876 уч. г.» отмечено, что он учится во втором классе второй год (Там же. № 2299. Л. 103). В связи с какими обстоятельствами он оказался не аттестован, установить не удалось.

⁶⁷ См. в «Экзаменационных списках и ведомостях за 1877/1878 уч. г.» (Там же. № 2302. Л. 78).

Земных не видя толку; горделивый
 Тот замысел погиб, и стал монах —
 Немало в жизни всяких превращений —
 Чиновником особых поручений.

(с. 559)

Александр Сергеевич Мережковский (1862—?), впоследствии мировой посредник и младший ревизор контрольной палаты,⁶⁸ в 1874 году поступил сразу во второй класс (ему было 12 лет),⁶⁹ но дважды оставался на второй год: в третьем классе, имея двойки по русскому, латыни, греческому и математике,⁷⁰ и в пятом классе, получив двойки по латыни и греческому.⁷¹ Таким образом, Саша сначала оказался в одном (третьем) классе с Сергеем, а потом в одном (пятом) классе — с Дмитрием и вместе с ним закончил в 1883 году гимназию с таким же общим баллом, как младший брат.⁷²

XX

Благоразумен, важен, как старик,
 Был Коля гимназистом идеальным;
 Премудрость всех учебников постиг.
 С лицом худым, бескровным и печальным,
 Питая страсть, как первый ученик,
 К пятеркам с плюсом и листам похвальным,
 Смиряться он умел, терпеть и ждать
 И всякому начальству угождать.

(с. 559–560)

Николай Сергеевич Мережковский (1860—?) — чиновник при градоначальнике Санкт-Петербурга, а потом секретарь при командире Отдельного корпуса жандармов, статский советник в отставке.⁷³ Поступил в гимназию в 1871 году и действительно, судя по «Экзаменационным спискам и ведомостям», за все годы обучения имел почти исключительно четверки и пятерки (только в шестом классе получил единственную тройку по математике).⁷⁴ Он кончил гимназию с серебряной медалью, имея в аттестате большинство пятерок. В характеристике, приложенной к аттестату, значилось: «Работы его по латинскому языку были лучшими, а по другим предметам — в числе лучших. Особенно любил древние языки».⁷⁵

Николай явно имел способности к языкам, в частности, известно, что кроме латыни он был лучшим учеником в гимназии по французскому. В воспоминаниях историка и археографа В. Г. Дружинина рассказывается о чествовании 52-м выпуском учеников (1879 года) любимых учителей, среди которых был учитель французского языка Г. Г. Вильд.⁷⁶ И выпускнику Николаю Мережковскому, как лучшему и любимому ученику «француза», поручили произнести в его честь спич на французском языке.⁷⁷

⁶⁸ Биографические сведения о нем см.: *Золотоносов М. Н.* Братья Мережковские. С. 20.

⁶⁹ Для поступления во второй класс следовало знать программу первого класса, т. е. сдать 5 экзаменов: закон Божий, русский, математику, латынь и географию; по всем предметам Александр получил тройки, кроме географии, которую сдал на четверку (см.: «Экзаменационные списки и ведомости за 1873–1874 г.» — ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2297. Л. 143 об.).

⁷⁰ См. в «Экзаменационных списках и ведомостях за 1875/1876 уч. г.» (Там же. № 2299. Л. 86).

⁷¹ См. в «Экзаменационных списках и ведомостях за 1878/1879 уч. г.» (Там же. № 2301. Л. 66).

⁷² Александр имел три пятерки, одну четверку и остальные тройки; пятерки — по закону Божию, немецкому и французскому, а четверку — по греческому (Там же. № 1743. Л. 5 об. — 6; № 5313. Л. 32). Отметки в аттестате Дмитрия см. во второй части статьи.

⁷³ См.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. С. 285.

⁷⁴ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2303. Л. 36.

⁷⁵ Там же. № 2301. Л. 17 об. — 18.

⁷⁶ Вильд Георгий Рудольфович (1816—?) — с 1857 по 1888 год учитель французского языка в третьей гимназии (Там же. № 66).

⁷⁷ *Дружинин В. Г.* Гимназические годы И. А. Шляпкина // За сто лет. С. 104.

Вероятно, Николай помогал младшему брату, который был менее успешен в языках, готовить домашние задания по-французски. В тетради Дмитрия с черновыми домашними работами за пятый класс⁷⁸ можно не однажды заметить правку ошибок в словах и грамматике на черновиках французских изложений, сделанную более взрослым, но похожим почерком и теми же чернилами. Она была сделана кем-то из домашних и, скорее всего, Николаем. Интересно, что, когда в старших классах у Мережковского французский начал преподавать тот же Вильд, Дмитрий постепенно из троечника стал отличником.⁷⁹

Образ Николая в поэме не однозначен. Описанный не без сарказма в процитированной XX октаве, он предстает в следующей строфе духовно близким автору — романтиком и мистиком:

XXI

Но иногда, романтик добродушный,
 Про все забыв, каких-то ведьм и фей,
 И рыцарей, и замок их воздушный
 Чертил пером в тиши воскресных дней,⁸⁰
 Воображенью странному послушный,
 Он на полях латинских словарей,
 Влюбленный в этот мир необычайный:
 Он верил в сны, пророчества и тайны...

XXII

У нас в крови — неугасимый жар
 Мистического бреда; это — сходство
 Семейное, опасный людям дар,
 Наследственный недуг иль превосходство,
 Под пеплом жизни тлеющий пожар, —
 Не ведаю — талант или уродство...
 Вольнолюбивый, непокорный дух,
 Доныне в нас огонь твой не потух.⁸¹

(с. 560)

(Продолжение следует)

⁷⁸ ИРЛИ. № 24360а.

⁷⁹ В младших классах французский у Мережковского преподавал А. И. Тепфер, а в старших — Вильд. У менее требовательного Тепфера Мережковский получал во всех классах четверку (см. выше), у Вильда в пятом классе — тройку, в шестом и седьмом — четверки, а в последнем — пятерку (см. отметки во второй части статьи).

⁸⁰ Тетради с черновиками и со стихотворениями гимназиста Дмитрия Мережковского испещрены подобными рисунками.

⁸¹ Такую же непоследовательность можно заметить и в характеристике брата Саши, когда в конце второй песни появляется рассказ об их совместных, увлекательных летних играх и прогулках на Елагином острове:

LXXVII

Катались мы на лодке с братом Сашей:
 Покинув весла, зонтик дождевой
 Мы ставили, как парус, в лодке нашей;
 Казался купол неба над водой
 Лазурной опрокинутою чашей,
 И на пустынной отмели порой
 С гниющим остовом ладьи рыбачьей
 Картофель мы пекли в золе горячей.

(с. 573)